

«Бум...»

«Бум...»

«Бум...»

Глухие, тяжелые удары барабана у ворот управы гулким эхом разносились по длинной улице.

Облаченная в потрепанное холщовое платье тетушка Су с каменным лицом сжимала в руках деревянные колотушки, со всей силы обрушивая их на натянутую воловью кожу.

Она всю жизнь занималась тяжелым трудом, а потому в ее руках еще оставалась недюжинная сила. Звуки ударов, наполненные отчаянной, яростной решимостью пойти напролом, разносились по половине маленького городка.

Время было позднее, горожане изнывали от скуки, а потому вокруг ворот управы в один миг собралась внушительная толпа зевак.

Женщина успела нанести всего семь или восемь ударов, как из караулки, громыхая судейским жезлом, в дикой спешке выскочил один из дежурных стражников.

Заприметив толпу у ворот, он мысленно взвыл: кому охота посреди ночи разгребать чужие проблемы? А потому он сразу перешел на грубый, яростный крик:

— Ты чего тут расшумелась, строптивая баба?!

Тетушка Су не успела и рта открыть, как из гомонящей толпы послышались глумливые выкрики местных бездельников:

— Известно чего, бьет в барабан, жалобу подать хочет, справедливости ищет!

Стражник пренебрежительно выставил ладонь перед лицом вдовы:

— Раз уж пришла судиться, где твое письменное прошение? И где твой чжуанши?

Когда тетушке Су донесли весть, что банда стражников без всяких на то причин раскопала могилу ее единственного сына и увезла останки, она едва не рухнула замертво.

Едва добравшись до кладбища, несчастная женщина застала лишь развороченную пустую яму.

Сейчас ее силы поддерживал лишь бушевавший в груди ураган гнева, не дававший ей упасть без чувств. В таком состоянии ей было совершенно не до дежурных условностей и поисков чжуанши.

Видя, что женщина пришла одна, без письменной жалобы, да к тому же угрюмо помалкивает, стражник окончательно осмелел и бесцеремонно толкнул ее в плечо:

— Женщинам соваться в судебный зал запрещено законом, неужто ты правил не знаешь? Хочешь судиться, проваливай отсюда, ищи чжуанши и не смей затенять ворота управы!

От этих толчков у тетушки Су окончательно помутился разум. Не помня себя от ярости, она вскинула тяжелую деревянную колотушку и со всей силы замахнулась ею прямо в лицо обидчику.

Стражник вовремя почуял неладное и резко отпрянул назад, едва сумев увернуться от удара, однако оступился на каменной лестнице и едва не покатился кубарем вниз по ступеням.

Среди собравшейся вокруг толпы зевак послышались ехидные смешки.

Служащий мгновенно налился багровой краской от невыносимого стыда и злости. Яростно перехватив судейский жезл, он занес его над головой вдовы, собираясь проучить строптивую бабу по всей строгости.

Опустись этот тяжелый удар на ее плечи, несчастная тетушка Су в лучшем случае осталась бы со сломанными костями.

Вот только его жезл успел пролететь лишь половину пути, как чья-то нога сзади с размаху обрушилась прямо на зад вытянувшегося стражника.

Тот никак не ожидал нападения со спины, да и равновесие на ступенях удержать не успел, а потому нелепо подался вперед и с размаху рухнул лицом прямо в придорожную грязь.

Среди зевак внизу грянул оглушительный взрыв хохота.

Претерпев столь сокрушительное унижение на глазах у всего города, стражник взбесился окончательно и с грязными проклятиями принялся карабкаться на ноги:

— Какая тварь это сделала?! Жить надоело...

Вторая половина фразы мертвенным комом застряла у него в горле, отчего лицо его вмиг посинело от ужаса:

— Су... господин судья...

Облаченный в простое гражданское платье Лэ Уя стоял на верхней ступени, заложив руки за спину, а на его губах играла насмешливая улыбка:

— Надо же, вот, оказывается, как наши верные стражники общаются с простым человеком. Лица суровые, в ворота не пролезешь, оттого и дела в уезде продвигаются со скрипом. Премного благодарен тебе за то, что ты так усердно чернишь мое судейское имя перед горожанами.

Служащий перепугался не на шутку и мгновенно рухнул коленями в грязь, усердно запричитав:

— Судья, явите милость! Эта сумасшедшая баба ломится в зал заседаний, а у самой при себе нет ни письменного прошения, ни чжуанши! Она не просто устроила погром и собрала толпу у ворот, она еще и на представителей власти с оружием бросается! Ваш покорный слуга лишь от праведного гнева вспылел...

Лэ Уя не было ни малейшего дела до тех тяжких обвинений, которые этот трус пытался навесить на несчастную вдову, да и вступать с ним в бессмысленные споры о законе он не собирался.

Лэ Уя поманил пальцем двух других стражников, что испуганно выглядывали из-за угла, не осмеливаясь приблизиться. Указав на тетушку Су, он велел:

— Аккуратно проводите женщину внутрь, найдите для нее свободные покои и устройте со всем удобством. И чтобы никто не смел повышать на нее голос.

Затем он вновь перевел взгляд на стоявшего на коленях стражника:

— Ты ведь изволил заявить, будто у нее нет чжуанши?

— Даю тебе ровно полчаса. Ступай и привези в управу лучшего чжуанши, какого только сможешь отыскать в Наньтине. Пусть прямо здесь составит жалобу и выступит на суде. Если станешь копать и опоздаешь хотя бы на минуту, я умываю руки, все расходы на его услуги будут до единой монеты удержаны из твоего личного месячного жалованья.

Едва речь зашла о деньгах, как все заготовленные оправдания и попытки очернить вдову мгновенно испарились из головы стражника. Он кубарем вскочил на ноги и во весь дух помчался прочь из управы.

Лэ Уя повернулся к тетушке Су и негромко произнес:

— Вдова Су, не будь ученый Мин сейчас за решеткой, тебе следовало бы просить о помощи именно его. Дело пошло бы куда проще.

Услышав имя ученого Мина, тетушка Су слегка покраснела, а ее глаза повлажнели от слез. Сгорая от стыда, она стыдливо опустила голову.

Она была неграмотной деревенской женщиной, но умом бог ее не обделил.

Ученый Мин угодил в застенки и нажил себе смертельных врагов исключительно из-за дела ее погибшего сына.

Она прекрасно понимала это, но сделать ничего не могла.

Лэ Уя отвел от нее взгляд, переступил через высокий порог парадных ворот и отдал короткий, звучный приказ:

— Через полчаса, как только прошение будет у меня на столе, открыть судебный зал и начать заседание.

Вернувшись в свои покои, Лэ Уя подошел к зеркалу, дабы собрать волосы в тугий узел и облачиться в официальное платье.

Одеяние мелкого чиновника седьмого ранга было куда более простым и легким, чем пышные парадные халаты первых сановников империи.

Не прошло и пары минут, как он полностью закончил сборы.

В гладкой поверхности бронзового зеркала отразился мужчина в строгом, безупречно подогнанном судебском платье — все выглядело в точности так же, как и вчерашним днем.

С момента своего пробуждения в этом мире Лэ Уя не отдыхал ни единой секунды, и лишь сейчас ему выдалось свободное мгновение, чтобы досконально разглядеть лицо Вэньжэнь Юэ.

Еще вчера это тело безвольно покачивалось в петле под потолком.

Не будь Вэньжэнь Юэ новичком в делах самоубийства и не сглупи он при завязывании узла, его душа сейчас наверняка бы уже стояла в очереди на берегу подземной реки, готовясь испытать отврат забвения у матушки Мэн.

Вэньжэнь Юэ оказался юношей с тонкими, правильными чертами лица. Обликом он ни капли не походил на Лэ Уя в его прошлой жизни. Преобладание ханьской крови сделало его лицо

более классическим, и лишь при дотошном рассмотрении его зрачки неуловимо напоминали кошачьи глаза с легким, едва заметным изменением цвета: та самая деталь, что выдавала в нем редкие черты выходца из племени Цзин.

Лэ Уя на мгновение погрузился в думы.

По какой причине его дух занял именно эту плоть?

Когда дух Вэньжэнь Юэ покинул тело, ему хватило времени, пока заваривается одна чашка чая, чтобы оказаться на грани окончательного рассеивания. Сам же Лэ Уя целых четыре года неприкаянно блуждал неизвестно где, но при этом его призрачная сущность осталась настолько сильной и крепкой, что стоило ему занять чужую оболочку и он уже всю бодрствует, ходит и наводит шороху по всему уезду?

Всматриваясь в отражение, Лэ Уя вдруг нахмурился, подошел вплотную к зеркалу и аккуратно прижал подушечку пальца к уголку губ.

Только сейчас он обратил внимание, что на нижней губе Вэньжэнь Юэ притаилась крошечная темная родинка. Она была настолько бледной и едва заметной, что если не поднести лицо к самому пламени свечи, разглядеть ее было практически невозможно.

Лэ Уя невольно изумился: неужто эта метка была у Вэньжэнь Юэ от рождения?

В прошлой жизни не один человек из числа придворных предсказателей твердил ему, что подобная родинка на губе — дурной знак, сулящий владельцу лишь несчастья и череду неудач.

И пускай сам Вэньжэнь Юэ, умудрившийся впустить в свое тело чужого мятежного духа, уже был парнем на редкость неудачливым, но совпадение расположения родинки казалось чересчур фантастическим...

Впрочем, поразмыслив об этом пару секунд, он выбросил мысли из головы.

Стоит ему довести это судебное разбирательство до победного конца и смыть с себя чужие грехи, он со спокойной душой покинет этот мир, а обо всем остальном пусть голова болит у самого Вэньжэнь Юэ.

Спустя полчаса судейская управа была ярко освещена десятками факелов и фонарей. Весть о том, что «господин судья удумал вести ночной процесс», вмиг облетела весь крошечный Наньтин.

Горожанам спешить было некуда, до ночного комендантского часа оставалось полно времени, а потому люди толпами валили к воротам, желая воочию поглазеть на редкое зрелище.

Заместитель судьи, секретарь-глава налогового приказа и дежурные стражники уже заняли свои законные места в зале. Задерживался лишь один человек — уездный коронер Шан Цзюньцай. Посланные к нему домой клерки вернулись ни с чем: дома мастера не оказалось.

Зато заместитель Сунь Жу прекрасно знал, где сейчас носит этого пьянчугу.

После того как останки Чан Сяоху были доставлены в пригородный похоронный амбар, Сунь Жу все же не сдержался и втайне от начальника решил проявить мелкую хитрость. Он не стал выставлять стражу у дверей ледника, а напрямик направился к дому коронера Шан Цзюньцай, дабы известить его: судья приказал раскопать могилу Чан Сяоху, так что мастеру следует быть наготове, его в любой момент могут вызвать в управу ради повторного осмотра.

В свое время, когда дело о гибели Чан Сяоху закрывали под видом «несчастливого случая», посторонние могли не верить бумагам, но уж коронер Шан знал истинную подоплеку как никто другой.

Ему не требовалось дважды объяснять, что именно надлежит сделать с телом, дабы комар носа не подточил.

И пускай сам Сунь Жу после сокрушительной словесной порки со стороны Лэ Уя изрядно растерялся, а его верность прежним союзникам пошатнулась, но ведь с богачом Чэнем их связывали годы дружбы и общих дел, он просто не мог умыть руки и бросить товарища в беде.

По крайней мере, следовало хоть немного сбить спесь и умерить пыл этого внезапно обретшего грозную силу начальника, разве нет?

Вот только времени с момента его визита утекло предостаточно, так почему же этот коронер Шан до сих пор не вернулся в управу?

Пока раздосадованный Сунь Жу всю распекал слуг и собирался отправить новый отряд на поиски лекаря, у ворот суда стряслась новая беда.

Двое калек, по виду, чистой воды уличные оборванцы, притащили к ступеням управы находящегося без чувств мужчину. Скорчив самые несчастные мины, нищие во всеуслышание принялись кричать, что явились во дворец правосудия ради явки с повинной.

В зале заседаний и без них царил полнейшая неразбериха, и Сунь Жу поначалу вознамерился попросту вышвырнуть бродяг прочь, однако стоило ему в сиянии факелов мельком взглянуть на лицо избитого до полусмерти человека, как у него отнялся язык.

Этот человек, чье лицо было сплошь залито кровью, а сам он находился без чувств, оказался ни кем иным, как коронером Шаном!

В присутствии сотен свидетелей у заместителя Сунь Жу уже не оставалось ни единого шанса как-то спрятать или укрыть бедолагу. Ему пришлось, зажав нос от досады, официально принять и это судебное прошение.

А между тем зрелище становилось все масштабнее, и толпа любопытных горожан у ворот разрасталась с каждым мгновением.

И вот, под пристальными взорами сотен людей, плотно прижимавшихся друг к другу в ожидании начала процесса, Лэ Уя величественным шагом взошел на судейский помост.

Он никогда в жизни не испытывал робости перед толпой, напротив, превыше всего ценил веселую суматоху. С самых юных лет Лэ Уя был из тех людей, кто обожал устроиться поудобнее с пригоршней жареных семечек и с удовольствием наблюдать, как другие истошно ругаются между собой.

Не будь его судьба в прошлой жизни столь суровой и трагичной, из-за чего ему волей-неволей приходилось непрестанно сдерживать свой буйный нрав и круглосуточно сохранять на лице маску степенного величия, он бы точно не ушел из жизни столь молодым.

Лэ Уя не раз втихомолку размышлял о том, что в прошлой жизни его, скорее всего, попросту сгубило отсутствие хороших зрелищ, бедолага буквально задохнулся от смертельной скуки.

Высоко восседая в судейском кресле, Лэ Уя выпрямил спину и взял в руку тяжелую деревянную колотушку — цзинтанму. Он слегка взвесил ее на ладони.

Краска на бруске местами уже пооблупилась, однако в руке он лежал на редкость надежно и весомо. Ведь этот невзрачный кусок дерева веками хранил в себе отголоски тысяч людских судеб и чаяний простого люда.

В груди Лэ Уя шевельнулось смутное благоговение. Но не успел он мысленно посетовать на превратности судьбы, как его взгляд мельком выхватил из толпы одну до боли знакомую фигуру.

Решив, будто со слепу ему все это лишь мерещится, он пристально уставился на мужчину, который стоял в самом первом ряду зевак, скрестив руки на груди и облачившись в скромный наряд странствующего купца.

«...Он?!»

Какого черта этот человек здесь забыл?!

Шестой принц Сян Чжицзе и Седьмой принц Сян Чжиши прибыли в эти края в статусе доверенных императорских ревизоров с тайной миссией, разузнать нужды простого люда. А потому их положение изначально было исключительным. К тому же, решив затесаться в толпу простых горожан лично, их лица, похожие друг на друга как две капли воды, мгновенно привлекли бы к себе ненужное внимание всей округи.

Посоветовавшись, братья пришли к единогласному решению: отправить на разведку своего личного гвардейца Цзян Хэ. Тот должен был прикинуться заезжим торговцем, встать в первых рядах и разузнать, что за птица этот уездный судья.

Судебный процесс еще даже не начался, а Цзян Хэ, искусно разыгрывая роль купца, уже вовсю увяз в беседе с местными обывателями.

По заверению одного из наньтинских жителей, господин Вэньжэнь был человеком исключительно добрым, вот только на этом все его достоинства и заканчивались, мягкости в нем было хоть отбавляй, а вот твердости и судейского величия не доставало напрочь.

Однако с таким суждением кое-кто из толпы категорически не согласился.

Второй горожанин тут же яростно возразил: дескать, сегодня после полудня наш судья прямо на глазах у всей улицы вскинул лук и точным выстрелом уложил обнаглевшего разбойника, совершившего грабеж. Вот это истинная непреклонность и железная воля воина!

Оба спорщика свято верили в свою правоту и в конце концов принялись истошно ругаться прямо под ухом у Цзян Хэ.

Гвардеец беспомощно вздохнул и сделал шаг в сторону, дабы отсечь этот бессмысленный шум, как вдруг почувствовал, что на него устремлен чей-то острый, пронзительный взор.

Будучи кадровым военным, прошедшим суровую армейскую школу, он обладал звериным чутьем на любые чужие взгляды. Цзян Хэ мгновенно повернул голову к источнику угрозы, однако успел заметить лишь то, как восседавший на судейском помосте господин Вэньжэнь слегка отвернул лицо в сторону.

По обе стороны зала заседаний неподвижно застыли стражники, сурово сжимая в руках красно-черные судейские жезлы: зрелище, способное внушить трепет любому простолюдину.

В глухих провинциях начальники караулов никогда не пеклись о красивой осанке или безупречных манерах своих подчиненных: чем свирепее и массивнее выглядел дежурный стражник, тем надежнее он держал в страхе весь зал.

И на фоне этих грозных, дюжих верзил уездный судья Вэньжэнь Юэ, обладавший на редкость изящным и хрупким телосложением, на первый взгляд казался совсем беспомощным и

хлипким книжником.

Еще во время утренних расспросов Цзян Хэ разузнал, что в жилах этого чиновника течет примесь инородной крови.

Но кто бы мог подумать, что стоило гвардейцу бросить на него один мимолетный взгляд, как перед его взором предстал призрак ушедшего в небытие близкого друга, а в ушах зашумел пронзительный ветер бескрайней пустыни, вздымающий желтую пыль над белеющими костями павших воинов.

В его видениях тот человек на полном скаку мчался впереди отряда. Его руки полностью оставили поводья, пальцы намертво прижали тетиву к груди, ловя в прицел высоко парящего в грозовом небе боевого сокола.

Лук выгнулся полной луной, стрела сорвалась с тетивы подобно падающей звезде, и гордый хищник с перебитым крылом камнем рухнул вниз.

Однако всадник и не подумал опустить оружие. Снаряды срывались с его пальцев один за другим непрерывной цепочкой. И пока подбитый сокол все еще падал на землю, Лэ Уя умудрился всадить в его тело вторую стрелу прямо в воздухе, заставив труп птицы нелепо подпрыгнуть от удара!

Кто-то из молодых новобранцев в отряде тогда не разглядел деталей и истошно завопил:

— Попал?! Ну что там, попал?!

А тот человек лишь провел по нему взглядом своих темных, сияющих звездным блеском глаз и весело крикнул:

— Цзян Цзюгао, а ну марш в поле, принеси мне добычу! И если на теле этой птицы не окажется двух моих стрел, я за собственный счет буду целую неделю поить весь лагерь Тяньлан лучшим вином!

Вслед за этим кто-то из толпы весело заулюлюкал: «Цзюгао, выдери одну стрелу, прежде чем нести птицу назад, и ты станешь благодетелем для всего нашего лагеря Тяньлан!»

«Пошел прочь! Вот потому-то я тебя и не послал! — тот человек слегка повернул голову, лукаво улыбаясь. — Наш Цзюгао — самый честный парень на свете, верно я говорю?»

Ему самому тогда было лет семнадцать-восемнадцать, то был возраст безудержной удачи и гордости. Цзян Хэ до сих пор отчетливо помнил, с каким глубоким восхищением и преданностью он взирал на своего командира.

Времена изменились, годы утекли без возврата.

Сквозь гул и гомон окружавшей его толпы он едва слышно прошептал:

— ...Молодой генерал?

Однако это знакомое ощущение промелькнуло и тут же растаяло без следа.

Восседавший на судейском помосте начальник быстро повернул голову обратно.

Цзян Хэ принялся пристально разглядывать уездного судью, но как ни старался, больше не мог уловить в его облике тех черт покойного друга, от которых только что так сильно заколотилось сердце.

И черты лица, и выражение глаз этого человека были Цзян Хэ абсолютно незнакомы.

А между тем Лэ Уя, сидевший на возвышении с неизменно бесстрастным лицом, внутри бушевал от нахлынувших воспоминаний.

Стоило ему в прошлой жизни покинуть армию, как лагерь Тяньлан фактически прекратил свое существование. Самого же Цзян Хэ благодаря его безупречным боевым навыкам перевели на службу в столицу и зачислили в ряды императорской гвардии Цзиньувэй.

Цзян Хэ ни за что на свете не появился бы в этой глуши без веской причины. А значит, в этот крошечный приграничный городок тайно прибыли очень важные столичные особы.

...И весьма вероятно, что среди них находился тот, кого он прекрасно знал.

Подумав об этом, Лэ Уя вдруг не на шутку разозлился.

У него что, карма такая, вечно наткаться на этих людей?

Когда он умирал на полу сырой камеры, разум его был затуманен, и рядом не оказалось ни одной живой души, кто мог бы проводить его в последний путь теплыми словами.

Так с какой стати стоило ему открыть глаза, как эти старые знакомцы выстроились в очередь, словно пришли на его могилу?

За все эти четыре года он от них ни единого поминального листка не дождался!

Уж если не могли сжечь ритуальные деньги, сожгли бы хотя бы бумажное денежное дерево, он бы сидел себе в загробном мире да потряхивал его от скуки!

Впрочем, Лэ Уя быстро взял себя в руки.

Раз уж этот гвардеец сам пришел к нему в руки, грех было не придумать, какую бы пользу из него извлечь.

<http://bllate.org/book/18193/1786014>